

22 МАР 1933

## АТТИКА И ДУНАЙ

ВЕЧЕР  
БАЛЕТА  
К. ГОЛЕЙЗОВСКОГО

Что мы знаем о древнегреческой пляске, о танцах воинов Спарты, о «Пюрихе», описанном в «Законах» Платона?

В памяти возникают незабвенные образы гимназической «античности»: дорическая колонна, Леонид, кого-то разбивший при Фермопилах, терпеливый спартаец с лисицей за пазухой. Естественно, что «трэнос», «лидиос», «баллимос» и прочие загадочные виды аттической пляски, перечисленные Голейзовским в программе его вечера на сцене Большого театра, не могли не привлечь заинтересованной аудитории.

Привлекала и новая установка балетмейстера на «подлинность», на академичность, на некий театральный археологизм. Об этой «подлинности» судить трудно. Возможно, такими и были бы танцы, если б заставить двигаться рисунки на древнегреческих вазах.

Как зрелище же эта обалеченная античность прежде всего утомительна. Асимметричность хореографического рисунка, вызывающая любопытство вначале, под конец раздражает. Танец превращается в путаницу прыгающих и скачущих людей, перегружается повторами и длиннотами. Некоторым композициям, правда, нельзя отказать в зрелищной эффектности, оригинальности и эмоциональной выразительности (замечательны, например, скульптурные группы «плакальщиц», подымающихся по дугообразной конструкции сцены), но в конце-концов начинаешь радоваться, что «научный экскурс» Голейзовского в область древнегреческой пляски не простирается дальше 1-го отделения.

Следующие два отделения представлены классической «Шопенианой» и «Чардой». Загадочное слово «Чарда» расшифровывается очень просто. Так по всей Придунайской низменности называется место для сборищ молодежи, любящей повеселиться и поплясать. Это — гумно, полянка, деревенская окраина, луг.

Сколько раз мы видели на той же сцене и «польские», и «мадьарские», и мазурки, и чардаши. Но после «Чарды» Голейзовского их нельзя будет смотреть. Мы не знаем, где взял балетмейстер материал для своего «мадьара», «коломайки», «цыганешты» и «вертака», но каждая пляска «Чарды» — это малечье произведение искусства, тем более ценное, что в этой области мы почти не имеем художников. Совершенно исключительно переданы оттенки национального колорита, крестьянская угловатость и резкость в движениях, и в особенности юмор, живой, пробовавший юмор простонародной пляски.

Удалась Голейзовскому и чисто балетная «классика» «Шопенианы», где он сумел показать свежесть и незаштампованность хореографического рисунка. Много помогли балетмейстеру костюмы художника Макарова и в особенности весь балетный коллектив театра. Здесь трудно даже выделять кого-либо, ибо каждый дал балетмейстеру то, что тот мог от него требовать.

Ал. ИВАНОВ